

Дворцы взяли штурмом

Илья Ярослав Седов

К 100-летию классика балета XX века Джорджа Баланчина Большой театр подготовил программу, в которую вошли его лучшие постановки: «Симфония до мажор» (названная в европейской редакции «Хрустальным дворцом») и «Агон», уже имевшиеся в репертуаре, а также «Кончерто барокко» и популярные концертные дуэты, разученные впервые.

О намерении поставить самые сложные балеты Баланчина театр объявил еще в конце прошлого сезона. С тех самых пор их и ждали как главное событие сезона нынешнего. Дело не только в изобретательности и красоте танцевальных комбинаций Баланчина, сливающихся в единое целое с самыми проникновенными музыкальными фразами Баха, Бизе, Стравинского, подчас изначально не предназначавшимися для танца. Причина еще и в том, что для российских танцовщиков освоение хореографии Баланчина примерно то же самое, что для Большого театра — реконструкция его здания. Нужно освоить непривычную технику и эстетику и в то же время не потерять собственного артистического почерка.

Баланчин, выучившийся в Петербурге и сделавший карьеру в Америке, ставил и сюжетные балеты, и танцы в операх, и даже голливудские шоу-программы, а также пародии на них. Но главным его открытием стал собственный хореографический язык, основанный на виртуозной игре с классическими балетными па. Перебирая их, как драгоценности, показывая в неожиданных ракурсах, соединяя в рискованной последовательности или прокручивая в немыслимом для прошлого века темпе, Баланчин пытался воскресить в Новом Свете образы балетных празднеств старых императорских театров — многоактных спектаклей, где кордебалет составлял в танцах величественные группы, напоминавшие своими контурами петербургские дворцы. У Баланчина получались завораживающие танце-

важные картины, парадоксально соединяющие предельную четкость рисунка и призрачность образов, определенность пластического задания и бесчисленное множество ассоциаций.

Помочь артистам и репетиторам Большого овладеть этими тонкостями прибыли известные артисты, в свое время работавшие с Баланчиным в Америке: Марина Эглевски, Адам Людерс, Джон Клиффорд, а также знаменитая французская балерина Виолетта Верди, для которой Баланчин ставил в Парижской опере, и наша Татьяна Терехова, балерина Мариинского театра. И постановщикам, и исполнителям пришлось работать чуть ли не в авральном режиме. Терехова сетовала, что репертуар и расписание репетиций составлены так, что артистам приходится разрываться между разными постановщиками, а после изнурительной работы чуть ли не ежедневно выходить в спектаклях текущего репертуара. Действительно, на период подготовки программы балетов Баланчина пришлось возобновление труднейших больших спектаклей — «Спящей красавицы» и «Легенды о любви», а также «Светлого ручья» и авангардной версии «Ромео и Джульетты», постановок совершенно иного стиля.

Неудивительно, что, взяв «дворцы» Баланчина штурмом, артисты Большого по большей части только начинают в них осваиваться. Полный изысканных линий, изящных групп и замысловатых построений, балет «Кончерто барокко» пока выглядит, как

старательно приготовленный экзамен. Азартный «Агон» распадается на куски. Среди них четче всех выписан дуэт: графичная, скрывающая за внешней невозмутимостью стальной характер Екатерина Шипулина демонстрирует чудеса акробатики в руках сосредоточенно помогающей ей Руслана Скворцова. Галина Степаненко, напротив, берет публику в плен своим неотразимым женским обаянием и открытыми эмоциями. «Тарантеллу» и праздничный финал «Симфонии» она использует как повод щедро их выплеснуть, ведя диалог с публикой напрямую.

Симфония-дворец позволяет любоваться ровными линиями кордебалета и красивыми фигурами артисток. Здание выглядит стройным, но пока не «хрустальным». Местами оно сложено из более плотного материала, а где-то намечены лишь конструкции. Соединить чеканную определенность рисунка и отточенную технику с легкостью танцевального дыхания артистичнее всех удается пока Надежде Грачевой и Сергею Филину. А ощущение танцевальной магии создает Светлана Захарова в медитативной второй части «Симфонии». Ее романтическая героиня будто слышит музыку невдомых сфер, которая материализуется в бесконечном развертывании красивейших линий. В результате во время танца Захаровой возникает впечатление, что смотришь совершенно иной балет, который соотносится с окружающим его действием так же, как настоящий дворец с его зеркальное отражение.